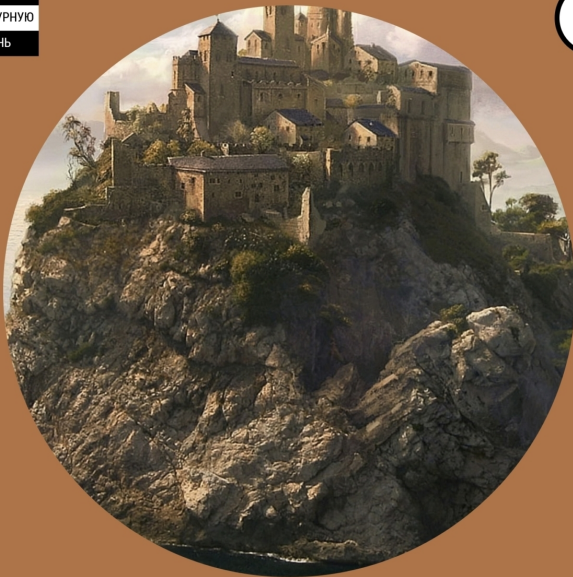

Дмитрий Власов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я прикасаюсь

Книга стихотворений разных лет

Дмитрий Владимирович Власов

Я прикасаюсь. Книга

стихотворений разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67065489

SelfPub; 2022

Аннотация

Это стихотворения и песни разных лет, грустные и веселые, короткие и длинные, наивные и серьезные. Чувства и мысли человека, живущего в непростую эпоху. Приятного чтения!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

80-е годы (ранние стихотворения)	5
Подражание грустным поэтам	5
Корабль снов	8
На музыку песни Джо Дассена с пластинки "Бип-бип"	14
Старая гитара	16
Город перед грозой	21
Балаганчик	22
Раскрепощение	24
80-е годы	31
Сказка про студента Присли и девушку Вику	31
Написано в июне при подготовке к экзамену по теории ДВС	36
О студенческом приюте в квартире бабушки друга	40
Крошка и Антошка	42
Орел	44
Мое будущее	49
Ртутный дождь	51
Песня друга	53
Генезис	54
Овцы	56
Снег в октябре	57

Зима	59
Зимнее дно	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дмитрий Власов

Я прикасаюсь. Книга стихотворений разных лет

80-е годы (ранние стихотворения)

Подражание грустным поэтам

Лишь стемнеет сентябрьский вечер,
Я к тебе на свиданье иду.
Помнишь наши недолгие встречи
В молчаливом осеннем саду?

Помнишь, милая, нежные руки,
Поцелуи под сенью берез?
Помнишь горечь последней разлуки
И обиду непонятых слез?

Мы тогда так нелепо расстались.
Ты ушла, прошептав: "не зови"...
Лишь увядшие листья остались
Шелестеть об умершей любви.

Мы ходили по улицам темным
И по теплым подъездам грелись,
А любовь была псом огромным,
В пасти зверя клыки горели.

Пес лохматый всегда был рядом,
Он был нашей прекрасной частью
И лизал языком и взглядом
Наше чудо – февральское счастье.

Самый преданный друг и служитель,
Он хранил нас, не зная лени.
Помнит город, наша обитель
Тихой троицы мягкие тени.

Скоро шли года, в темпе бега,
А для пса все зима не кончалась.
Он хотел веселого снега,
Он не верил, что время мчалось!

Мы выросли, а пес не рос,
Да и мог подрасти едва ли.
И ушел как-то милый пес
Тех искать, кто в глаза б целовали.

Не держали на поводке!
Кому греет он руки теперь?
Ходим мы поврозь в холодке...
Ну, полай же нам, ласковый зверь!

Корабль снов

Спокоен голубой
Небесный океан.
Там, где гремит прибой -
Дыханье чудных стран.

Корабль колет лед
На зависть всем врагам.
И вот он пристаёт
К желанным берегам.

Он робким стал сейчас,
У пристани стоит
Один в полночный час.
А древний город спит.

На корабле шабаш,
И капитан орет:
"Пусть город встретит наш
Геройский, славный бот!"

"Пускай он, милый, спит" -
Матросы говорят.
"Чтобы покой спасти,

Поднимем якоря!"

И вот из той страны
Корабль плывет назад,
А город смотрит сны
Подряд, подряд, подряд.

Море, кто ты? В час набата
Ты царицы лени тише.
Вечерами что-то пишешь
Тонким перышком заката.

Ты – живое, рыба-море.
В твоём теле волнорезы
Как случайные порезы -
Незначительное горе.

А в душе соленей раны,
И болят они без срока...
Может ты – земное око,
Обращенное в туманы?

Зорким глазом примечаешь
То, что с нами происходит,
Тех, кто входит и уходит

Провожаешь и встречаешь?

Ты всегда о берег рубишь
Волны, бьешься, как чумное.
Может, сердце ты земное,
Если бьешься? Значит, любишь?

На твоей груди галера
Держит путь, удачу зная.
Может, вера ты земная?
Значит, есть на свете вера?

Комната, окно и мелкий дождь,
Круглый стол, торшер, тепло порога.
Я сейчас без дела – ну и что ж?
Отдохну от суеты немного.

В дверь звонят, и входит осень в дом
Золотом растрепанных волос.
Это освященную дождем
Девушку чужую бог принес.

Я встаю, ни слова не сказав,
И молю: друг, не пойми превратно -
Не любовь, не зависть, не глаза

Меня в осень, в дождь зовут – обратно.

Я не понимаю волшебства,
Потому что мне открыли двери
Лишь слова, обычные слова -
Мои ангелы, мои ручные звери.

Вечер спутал карты – ну и что ж?
Шеи люстры головы склоняют.
Я сегодня лишний, как и дождь.
Отчего же нас не прогоняют?

Я увидел ее в витраже. Во дворце.
В Нижнем Городе. Синий дракон
С выражением скуки на гладком лице
Оживил неподвижный перрон.

Тут все вздрогнули, лица подняли с газет.
Лишь она спокойна была
И прищуриваясь, презирала весь свет,
Пока свиту свою ждала.

Я стоял и смотрел. Вдруг, улыбкой сверкнув,
Стала молнией! Миг – только дым!
Но я видел ее! И впервые, вздохнув,

Посочувствовал я слепым.

Есть одна странность у любви:
Она без губ прожить не может,
Без сумасшествия в крови
На наспех обретенном ложе.
Любовь монашества не знает,
Без ласк она себя изводит.
Она болеет, умирает
И в полночь призраком приходит.
А призрак сей – непобедим.
Мучает он, такой манящий,
Что мы не можем, не хотим
Любовь признать ненастоящей!

Пленяй затем, чтобы пленять.
Учись их души покорять,
Располагать к себе. Пускай
Лишь для игры – не упускай
Возможности еще пленить,
Чтоб обмануть, не полюбить.
Легко бросая, всех зови -
То ради будущей любви!
Когда судьбу ты встретишь вдруг,

Ты вспомнишь чудо из наук
И равнодушия тростник
Сломив, ты очаруешь в миг.
Тогда отпустят соловьи
Грехи "учебные" твои!

На музыку песни Джо Дассена с пластинки "Бип-бип"

Зажигает вечер дом,
Мы с тоской моей вдвоем
Разливаем водку и стихи.
Ведь тебя прекрасней нет,
Но один лишь мне ответ:
"Не люблю тоскливой чепухи".

Не живу, а существую без тебя, без тебя,
И нет ни строчки без тебя.

Мой камин поет во сне,
Пляшут тени на стене.
И одна из них как будто ты.
Но под утро все уснет,
Тень обманет и уйдет,
И Господь оставит лишь мечты.

Не живу, а существую без тебя, без тебя,
И нет ни мысли без тебя.

Вновь звезда глядит в окно,
А в нем пусто и темно,

Все вокруг чужое для меня.
Мой камин сгорел дотла,
Только в доме нет тепла
Без родного твоего огня.

Не живу, а существую без тебя, без тебя,
Но как, скажи, зажечь тебя?

Старая гитара

Жила на свете старая гитара
С мозолями на струнах золотых.
Всю жизнь она безропотно играла
В руках пьяных мучителей своих.

Принцесса царства музыки старела,
И проклиная лет пустых тюрьму,
Давала грубым пальцам только тело,
А душу не давала никому.

Хмельные гости все на ней бренчали,
Перед хозяйкой думая блеснуть.
А струны век о мастере мечтали,
О том, кто смог бы молодость вернуть.

Он перед нею встанет на колени -
С крестом ведь у гитары сходный лик.
Будет ее любить, не зная лени,
Наполнит смыслом каждый новый миг.

Она ждала. Ждала, живя лишь этим,
С душою чистой, словно горный снег.
И он пришел, и счастлив был как дети,

Когда их замечают среди всех.

В последнем крике, в пламени любовном
Она всю душу вылила до дна!
Но сердце старое забилося вдруг неровно,
И золотая лопнула струна.

Когда не видно вокруг ничего -
Слушай свой путь.
Слушай как Бога – из губ его
Вырвется суть.

Будешь ходить как лишившийся глаз
Между слепящих свечей
И думать, что это в последний раз -
Дверь, замки без ключей.

Среди улыбок из кости слоновой,
Где всюду – муть,
Должен быть голос, должно быть слово,
Слушай свой путь!

Свежей лесной листвой,
Ветром волнуемой,

Образ ворвался твой
Бедой неминуемой.

Зачем, ну зачем ты здесь,
Новая мука?
Я был уже мертвый – весь,
Вдруг ты – без стука.

Я ожил. Но узник в цепях
Просыпаясь от боли,
Желает, зубами скрипя,
Лишь смерти – не боле.

Ты приди в мою жизнь, и защитное поле -
Свои крылья раскинь над моей головой.
Не дай Бог – от чужой, но от собственной боли
Мое сердце безумное ими закрой.

В страшном диком лесу, где все рвутся на части
Или жаждут на части других разорвать,
Я из детства уйдя, злое зрелое счастье
Не сумел ни отвергнуть, ни в помощь призвать.

Так и тянет душа, как собака – на волю,
Но не приживается взрослая злость.

Ты приди в мою жизнь, и защитное поле
Разверни над несбыточным — чтобы сбылось.

Давай уедем к озеру,
Где все дожди живут,
Где в мягком сером облаке
Сосны во сне плывут.
Они как будто кисти
Небесного холста.
Ежи зеленоигольные
Добрей, поди, Христа.

А озеро, как лепесток
Свинцового цветка
Лежит среди сосен. И вода
Как весь твой мир, кротка.
Ты поутру войдешь в нее
Как будто невзначай.
И озеро возьмет тебя,
Теплое как чай.

Давай уедем к озеру
От каменных руин,
Из города, где вместе мы
И всяк всегда один.

Мы, не жалея, сбросим с глаз
Дней серых пелену,
И будем жить учиться вновь
У озера в плену.

Зачем другому истину ваять?
Она всегда у каждого своя.
Другой и сам ее порой не видит -
В каком же мы ее представим виде?

В ее лучах мы ходим, как впотьмах
По шаткому и скользкому настилу.
Так птица исчезает в облаках,
А мы, бескрылые, поймать ее не в силах.

Зачем другому истину ваять?
Ее всегда желе подобна стать.
Один сказал: "я с истиной встречался".
А не над ним ли дьявол потешался?

Осень шипит рыжим котом.
Что загадали – будет потом.
Сейчас будет то, чего мы не хотим.
Почему мы отсюда прочь не летим?

Город перед грозой

Отражается в небе асфальт.
Даже площади стали тише.
Только звон стоит, будто алы
Вниз ползет по наклонной крыше.
Все похоже на представление,
Потеряло объем и реальность.
Декорации – все строения,
Обезумела, спятила дальность!
Будто светятся изнутри
Шпили башен и желтые стены.
Островок на дороге – смотри -
Словно остров Святой Елены.
Если чудо произойдет
В час грядущий разрядного блуда,
Удивится один лишь тот,
Кто и в детстве не верил в чудо,
Кто не знает, что просто оно
На чердачном полу вздремнуло
И молящий взгляд за окном
По беспечности обмануло.

Балаганчик

Балаганчик! Балаган!
Небо – серый купол.
Назло всем своим врагам
Люди любят кукол.

Свет искусственный. И снег
Неживой, незрелый
В пальцы тянется ко мне -
Белый и дебелий.

А внизу в лучах плывут
Крашенные лица,
И смеются, и режут,
Чтоб нам веселиться.

Больше шуток, меньше дум -
Зря ли шут старался?
Только я один в ряду
Что-то растерялся.

Слева, справа – все оскал,
Всюду – клоунада.
Как же я сюда попал?

Мне ж сюда не надо!

Только я не ухожу,
Двадцать лет я в ложе.
Двадцать лет я здесь живу,
Улыбаюсь – тоже.

Балаганчик! Балаган!
Фонари, паяцы...
Все проходят по ногам
И в кружок садятся.

Кто здесь зритель, кто циркач?
Перепутать если?
Где здесь смех, а где здесь плач?
Есть ли жизнь? Смерть – есть ли?

Раскрепощение

Уметь за домами увидеть город,
Услышать музыку в камне и вне камня,
Увидеть то, чего нет, и трогать то, что есть -
О провидение, дай мне, дай мне!

Если я смогу быть там, оставаясь здесь,
Если я смогу написать о том, чего нам не найти,
И про то, что лелеет в душе самый яростный циник,
Значит, путь свой смогу не напрасно пройти.

В любое время года, в любое время суток
Посмотри в окно.
Но не в даль, а как будто
Глухая стена пред тобой,
И ты хочешь увидеть,
Что спрятано ныне за ней.
И если вино на крови и из тела хлеб
Не чужды тебе,
Увидишь ты надписи на стекле,
Как будто алмаз пробежал
По гладкому кварцу в мгновение ока
И стал звездой.

И про веру свою, и про все, чем живешь ты
И будешь жить,
Ты прочтешь на стекле,
И то будет честнейшая правда.
И ты можешь разбить стекло,
Только запомни,
Что эти слова
Не дадут тебе спать.
И от свежих ветров с океана
Не будет щита.

За стеной в поздний час
По-дурацки смешно.
Целоваться сейчас
Там при всех не грешно.
Чуть вина – веселятся
Там, песни поют.
Не дает им кривляться
Их домашний уют,
Ну а здесь, вдалеке -
Не зевай, домосед,
Ты с судьбой налегке,
Ты без клятв, как без бед.
Не успел – опоздал
Влиться в избранный круг,

Не явился на бал
Развеселых подруг.

Вот веселье погасло,
И расходятся пары
Подливать ему масло
В шрамы сердца для жару.
Закрываются двери,
Окна черным блещут,
А его, словно зверя
Черта с два приютят.
Не пускают в каморку,
Сунулся – на замок.
Ходит, как перед поркой,
Словно загнанный вор.
А за дверью соседней
Разомлела в грехе
Та, кого он намерен
Равнял с богом в стихе.

Но стаканчик найдется,
А с ним мудрость придет.
И герой улыбнется,
Прежде чем упадет.

Выпив, о поцелуе

Он не будет тужить...
Но помолимся все,
Чтоб ему согрешить!

Я видел, как живут богато,
Когда спускался к Нептунам.
Там всюду – жемчуга и золото
И звезды, что не снились нам.

Я видел, как живут беспечно
В морской холодной глубине.
Я видел рыб, живущих вечно
Там, где темно, на самом дне.

Потом все реже стал я видеть
И рыб, и жемчуг, и моря -
И не в таком, как прежде, виде,
И их уж не боготворя.

Ты из крыла живого соловья
Мне на ладонь горячей крови брызни.
На эти капли променяю я
Все двадцать лет моей бескровной жизни.

Ты мне в мороз, в заснеженную грусть
Каштанов дай горячих на ладони.
И пусть на Невском оживают кони,
А по Тверскому пройдет Пушкин пусть.

Пусть будешь ты, которой нет в помине
В саду, почившем в саване зимы.
Пусть будет так, как мы хотим отныне,
Если, конечно, просто будем мы.

Я въеду в Белый Город на Ослице,
Еще в пустыне отпустив коня.
И морды я легко приму за лица,
Не разобрав, что те бранят меня.

Тому, кто в след мне плюнет с кислой миной,
Я подарю букет пахучих трав,
И буду горд я дружбою ослиной,
Не требуя ни почестей, ни прав.

Что добровольно нищие – блаженны,
Здесь позабыли, медный сор гребя.
Здесь лечат от зараз, дырявя вены,
Только затем, чтобы спасти себя.

Если здесь есть о женщинах забота,
То лишь затем, чтоб краше класть в гробы.
Здесь есть одна цена веселью – рвота,
А люди – слуги собственной судьбы.

Здесь нежный всяк презрения достоин
И смехотворно слово здесь – мечта!
Но радость есть одна, и я спокоен
В том, что другим оставляю здесь места.

Я не воздвигну памятник себе
Ни грудой черепов, ни местом птичьих сходок,
И голову мою на вычурном суде
Не назовут за год ценнейшей из находок.

Ее не украдут ученый и вампир,
И то, что было в ней, не бросит тень на моду.
А если украдут, выручат десять лир -
Что стоит ковш воды в дождливую погоду.

В обычный день, святой и гадкий в меру,
Мой гроб забьют легко, как в ящиках посылки.
Как хорошо, что смертью я милиционеру
Забот не принесу – гонять поклонниц пылких.

Но что-то ведь останется в судьбе
Одной из всех? Из сноса и остатка
Я все же строю памятник себе -
Он среди мрамора – свободная площадка!

80-е годы

Сказка про студента Присли и девушку Вику

Черный, как самые темные мысли,
Рост – метр восемьдесят один,
Учился студент по фамилии Присли -
Из Нигерии господин.
Впрочем, быть может, из Мозамбика.
Но точно – оттуда. И данный нахал
Влюбился в советскую девушку Вику,
И есть перестал, и ночами не спал.
Его посещали угрюмые мысли:
Фортуна, думал, не снизошла.
Но Вика не долго мучила Присли,
На дискотеку – сама пошла.

Девушка внешностью очень мила
И неглупа. Но с кем не бывает!
Когда наступает любовная мгла,
Солнце рассудка она закрывает.
Был ли взаправду втюрившись негр,

Или от скуки нашел увлечение,
Но комплексом англо-французских манер
Вызвал у девушки восхищение.
Вика Морозова на дискотеке
С партнером кружась двадцать пятый раз
Скромно смыкала ресницы и веки,
Чтобы не выдать горящих глаз.
Ну, сходили на Волгу, гуляли.
По-русски он ей лишь "привет" и "пока".
Но и без слов они все понимали
Под мягкими лапами сосняка.
"Зачем же пока? Ночь любви помогает" -
Вика сказала, вздыхая чуть-чуть.
И смотрела луна нагая
На волнующуюся грудь.
Да, досадно, что так получилось.
Согрешила, зашла далеко.
Но что случилось, то уж случилось,
И снова на сердце светло и легко.
Продолжение драмы, развязка
Молодость! Что только с ней не бывало,
Просто кругом идет голова!
Время прошло, и Вика узнала -
Будет ребенок. А может быть, два.
Тут началось: "Что же делать, мама?
Как же это случилось со мной?"

Но к развязке близится драма:
Черный студент улетает домой.
Что ж, поплакала мать – старушка,
А Вика спешит в телефон-автомат.
Вот, дрожа, опускает двушку:
"Алло, это ты? Милый, ты мне рад?"
Присли шпарит по-русски славно -
И следа смущения нет:
"Жду в Шереметьево. В холле, в главном,
У меня на вечер билет".
Вика в смятении – что за чушь!
А к восьми – в дорогие объятья.
Мысли проносятся "будет муж,
А мать прокормят старшие братья."
Чудятся Вике "Датсуны", "Лянчи",
Шик гостиниц – ведь он богат.
Будет милых детишек нянчить,
Шумных маленьких чертенят.
Отец у него нефтяной магнат,
Там, в Нигерии, он фигура.
Ну, а вдруг он не будет рад?
Вика в ужасе – дура, дура!

Перед мамой, конечно, стыдно -
Честью надо бы дорожить.
Но жить в Союзе всю жизнь – обидно,

Не грешно – по-людски пожить.

"Я уеду с тобой, дорогой! -

Вика всхлипнула, – "и до гроба

Буду жить твоею судьбой,

И мы счастливы будем оба!"

Присли коснулся рук распростертых,

И сказал стратегический друг:

"Welcome, милая, будешь четвертой..."

Все в глазах потемнело вдруг.

Это у нас нельзя многоженства,

А у них любят женский пол.

Это у нас жить с двумя – пижонство,

А у них – на здоровье, мол.

Были в те времена у студента

В Нигерии три верных жены.

Все как одна – из родни президента

Воинственной людоедской страны.

Он не отпихивал, звал с мольбой:

"Будешь в алмазах, в шелка одета!

По средам буду только с тобой!"

Вика плюнула в гостя Советов.

Толстый "Боинг" набрал высоту

И направился в солнечный Лагос.

Вот и близится сказка к концу.

Что же дальше с девушкой стало?
Нет, не бросилась с крыши она,
Не пугайтесь – не утопилась.
Просто однажды пришла весна,
И новая двойня в Москве появилась.
Мальчик, девочка – все в отца.
Черны, как самые темные мысли.
Сзади, спереди и с лица
Даже очень похожи на Присли.

Написано в июне при подготовке к экзамену по теории ДВС

Упитанный рыжий усатый бездельник
Лежит на крыльце шерстяным лоскутом.
О, боже кошачий! В такой понедельник
Поймешь, что такое – родиться котом!
Нет сил принести свою шерсть к телеграфу
И в Лигу Защиты Животных черкнуть:
"В уставе введите, пожалуйста, графы,
Чтоб наше достоинство летом вернуть.
Ведь мы изнываем! Еще одно лето,
И можно к столу будет нас подавать.
Пока в ресторанах кошатины нету,
Поджаренной солнцем, нас надо спасать.
Да что же такое? Лежим, словно тряпки,
Совсем потеряли животный наш стыд.
Пуškai из ЮНЕСКО нам выпишут тапки -
Уж больно асфальт, раскаляясь, палит!
Несчастные кошки не могут раздеться,
Нам шуба навечно природы укор.
Должны мы до старости с самого детства
Влачить нашу жалкую жизнь-приговор.
Конкретную форму прямого спасения
Я сам предлагаю от страшной жары:

Нуждаемся мы в водяном охлаждении
Или в воздушном хотя б – до поры.
Мы будем носить на спине радиатор,
На хвост термодатчики мы вознесем,
А в правое ухо – реле-регулятор
Поставим – короче, согласны на все.
Да, чуть не забыл: что там вам мелочиться -
Приделайте нам вентилятор на морду!
Наверно, полезная очень вещица -
Я видел его у соседского "Форда".
Вы только уважьте кошачьи капризы -
Вчера у нас было собрание снова,
Мяукнули все: не хотим антифризы,
Уж очень лохматое, страшное слово!
А в остальном вам, как ветеринарам
Мы доверяем – ведь выхода нет.
С приветом от кошек, измученных жаром!
Проклятие тещам, детишкам привет!

Так, думая вслух, наш усатый бездельник
Лежал, отгоняя мушинные стаи.
Но кончился следующий понедельник,
А кот не худеет, а кот все мечтает.
Он знает, бедняга, как люди ответят.
Ответ он продумал уже и вздохнул.
Проблему рассмотрят в ином они свете,

И кот их ответ мне мяукнуть рискнул...

Товарищи кошки, коты и так далее!

Мы вас понимаем, поймите и нас:

В стране не хватает...чего б ни назвали,

Мы остро нуждаемся в кадрах сейчас.

И тратить наш ум, извините, на кошек -

Не очень разумно – ведь время не ждет.

Вы уж подождите, родные, немножко -

К вам с севера дождь непременно придет.

Ну, правда: поставим котам радиаторы -

Какой государству с них будет доход?

А если котов охлаждать у экватора?

По два радиатора ставить НА КОТ?

А вы КПД сосчитать не пытались?

А как же ТО? Вас попробуй поймай!

К тому же, допустим, собаки остались

Без этой системы – какой будет лай!?

Мы, правда, напишем в Америку, братцы.

Они тратят деньги на пушки безбожно,

А что если занятость им постараться

Поднять за счет вас? Ну, ей богу же, можно!

И вот что: мы можем с хозяев налоги

Тянуть, если кошки имеют СО.

Мол, мы оказали зверюшкам подмогу,

И ты, тунеядец, отдай свои сто!

А в общем, во вторник напишем программу,
В конце декабря уже будет ответ.
Но вы не надейтесь... Такая вот драма...
Проклятье собакам, котятam привет!

И снится коту по ночам, что он рано
Поднимет свой хвост и отправится в путь
В холодные, чудные белые страны,
Где рыбины прямо с собаку – аж жуть!
Мораль здесь проста – помечтать всегда можно
И людям, и даже ленивым котам.
И даже о том, что совсем невозможно
Не худо тайком помечтать иногда.

О студенческом приюте в квартире бабушки друга

Это и застольная, это и перинная
Может быть, и песенка, а может и стишок.
Бабушкина комната – уютная, старинная.
Здесь мы пили водочку – был такой грешок.

Здесь бывало весело и легко под крепкую.
Хоть она и горькая – до чего ж тепла!
И закуски было то – спичка с сигареткою,
А с друзьями по нутру хорошо текла.

Знала эта комната девок – эх, не дюжину.
Может, два десятка их было – не считал.
Их любовь была мне здесь завтраком и ужином,
А обед – консервами, если я устал.

Что еще сказать мне вам? Бабушкина комната -
Молодость прошедшая, милая гульба.
Если вы бывали тут, вы, конечно, вспомните,
А коль вовсе не были – значит, не судьба.

Ах, вернется бабушка утром в понедельникек.
Уберу я комнату – в ней же черт чего!

Вымою стаканчики, выстираю тельничек.
Я здесь делал курсовые – больше ничего.

Крошка и Антошка

В нашем городе Антошку
Крошка полюбила.
Полюбил и Тошка Крошку.
Как все это было?

Я не знаю, и Антошка
Никогда не скажет.
Только факт – влюбилась Крошка,
Ведь с любим – не ляжет.

Не стыдись, перед Антошкой
Крошка раздевалась.
А она и правда – крошкой
Рядом с ним казалась.

Длинный паренек Антошка
Ей шептал "I love you".
И любила Тошку – крошка,
Но большой любовью!

Я из той Стороны, где Балтийское море
Вместе с Черным клещами сжимают ее,

Где стрелялись в глухом затянувшемся споре,
Где жирело от "славных побед" воронье.

Я из той Стороны, где и счастье, и вера -
Странны, словно под детской кроваткою нож.

Я из той Стороны, где достаток и мера -
Двое самых гонимых и жалких святош.

Я из той Стороны, где царевич на волке
Сыплет искры на тонкие пальцы сосны.
Я из той Стороны, где клок шерсти на холке
Выдран с костью. Но с Богом – из той Стороны.

Орел

Он – гордая птица. Владыка всегда
Бойтся за трон, пусть ему и вода,
И горы, и чащи, и небо подвластны.
Но сны властелина бывают ужасны.
Соперники, недруги в снах. Да и днем
Томление власти проклятьем на нем.

Ему же претит сей владыческий круг -
Он просто весь мир созерцает вокруг.
Под клювом надменным плывут облака,
Холодные очи глядят свысока
На жизнь, что течет где-то в самом низу,
Где мертвую рубит крестьянин лозу,
Где гаснут поэты, влюбляются воры,
Где войско идет на чужие просторы,
Где нежность и грязь, красота и обман,
Где веру скрывает безверья туман.

Гордыни венец, постигающий мир,
Он бабочек, бьющихся в стекла квартир
Беззвучно смеясь, презирает легко.
Он выше их всех, он от них далеко.
Он знает, что мир переделать – задача

Совсем не его. Его доля – удача,
Над ним вожденная светит звезда.
Он вечно спокоен, циничен. О да,
Всмотрись в его позу, гляди, как парить
Он может над всеми – о чем говорить?
Но мы ведь не знаем о том ничего,
А сердце так часто болит у него.

Где же светлые, жаркие летние ленты?
Время их не щадит – выцветают они.
Оказалось, что строят себе монументы
Только длинные, черные, горькие дни.
Краски выцвели все – лишь одна задержалась.
Желтый лес – полинявшей картине под стать.
А вот черная с белым – та лента осталась,
Ведь действительно – нечему в ней выцветать.
Отчего это так? Знаю, все по спирали
Возвращается снова – сумей лишь узнать.
Но не все же, что мы, торопясь, потеряли
К нам придет и наполнится светом опять?
Это было бы странно и несправедливо,
А поэтому мы возвратимся к тому,
Что терять не спешили. И мы не на диво
Возвратимся сполна к естеству своему.
И так было, так будет. А кубок янтарный

Из осколков собрать и святым не дано.
Это все не от нечисти и не от кармы,
Это нами так с богохулой введено.

Лес стоял, удивленный щедротами лета.
Ведь недавно он был, словно в старом кино -
Черно-белый, немой, неживой и отпетый
Дребезжащим роялем под белым сукном.
Только дятел-тапер, да голодные волки
Звук вдыхали в него, еле слышный куплет.
И с журнальных страниц не ползли кривотолки,
Потому что на зимний лес критиков нет.
И никто не искал в нем ни смысла, ни слова,
Ни того, для чего нам тоска бытия.
Просто холодно было и плохо без крова.
Не искал в нем идеи и смысла и я.
А потом кто-то взял карандаш и раскрасил
Еще бледно, листву. Внес в палитру свирель.
Наследила улыбка. Кто ж был этот классик?
Его имя известно – то просто апрель.
А потом прорезались и новые краски.
Из-под маски Пьеро показалось лицо.
И оно было маской, но вскоре все маски
Раскололись, со звоном упав на крыльцо.
И живое предстало – вот губы в малине,

Вот черника зрачков, луг душистых волос.
Только что-то не так в этой новой картине,
Если веки упруги, не пухнут от слез.
Мне все кажется – маска одна не упала
И себя выдает неподвижностью глаз.
Мне все кажется – нет ни конца, ни начала
У обманчивых масок с набором гримас.

Дороги нет в наш сокровенный мир,
Огромный и единственно не лживый.
И ни один прожорливый вампир
Не высосет его, пока мы живы.

А после смерти – с кровью пополам
Он причастится им – ни капель больше.
Сей мир – наш самый ценный, нежный хлам,
Который мы храним всю жизнь и дольше.

Он в нас – частица жизни всех людей
Не наверху, но в пятом измерении.
Он в искренности проклятых идей,
Он в святости, прозрении, презрении.

Он недоступен циникам, хлыстам,
Дурному глазу, гнилым зубкам склоки

И погребен под тяжестью креста,
Чтобы с рождения – быть одиноким.

Мое будущее

Я скоро закончу (дай бог!) институт,
И каждое утро тогда я
В раздутом метро буду ездить не тут,
А там, тонкой свечкой тая.

Года пролетят как из поезда рощи,
Всем друг на друга похожи.
И все будет глуше, и все будет проще
Для дряблых души и кожи.

Я буду носить роговые очки,
Портфель и четыре недуга,
А вечером черные есть кабачки,
Убитые злющей супругой.

Забуду кто Блок был, а кто Пастернак,
Стихи назову чертовщиной,
И буду болеть за московский "Спартак" -
Лысеющий глупый мужчина.

Не буду чураться я скучных бесед,
В чуму научусь веселиться.
Со мной будет пить по субботам сосед,

А женушке шуба приснится,

И будет она голосить и хрипеть,

Ругая судьбу на рассвете.

А за стеной будут бабки храпеть

И в папу ленивые дети.

Я только утешусь тем, что не один,

Что нас половина планеты

И, в общем-то, сносно живет кретин,

А в юности все – поэты.

Но, может быть, сказка еще не вся,

И теплятся мысли простые -

Что я проживу, огонь пронеся,

Мечты и надежды святыя!

Ртутный дождь

Небо ниже спустилось. Но я не ушел.
Небо стало густеть. Я как в детстве, стоял
И смотрел, замирая, туда, где гроза
Превращалась за крышами в огненный шквал.

Очень странно соседство воды и огня!
Вот две капли упали. Подставив ладони,
Я поймать их успел. Они бойко резвились,
Словно маленькие, но строптивые кони.

Только – что это? Капли особенный блеск -
Жутковатый, холодный в меня излучали.
И катились по жести так звонко, как дробь,
Когда кровли в свободном полете встречали.

Ртутный дождь! Я бегу под навес, не дыша.
И вдруг вижу, что девушка в платье, босая
И смеется, и плачет под ртутным дождем,
Его капли ловя и на стены бросая.

Я кричу: "уйди!" Я кричу: "это смерть!"
Но вдруг вижу – глаза ее – ртутные тоже!
И они словно капли, что в пляске слились

На дождем полированной девичьей коже.

Долго тек люциферский металл по плечам,

А затем по спине и по смуглой груди.

Ртуть впиталась. Смотрю – лишь кривится трава,

И трамвай поврежденный искрит и гудит.

Песня друга

Был праздник, и вот я опять один.
И жизнь моя – выставка серых картин.
Мой праздник был долгим, без малого год.
Но больше он в двери мои не войдет.

Опять я с друзьями сижу за столом,
Беззвучно молясь, чтоб прошла за стеклом
Она, и смахнула все серое с глаз...
А мне кричат на ухо пошлый рассказ.

Она мне казалась как воздух, как свет
Привычной и вечной, но вот ее нет.
Она освещает другого, ей дышит другой.
Чужого касается милая маленькой белой рукой.

Но как все случилось, и было ли что-то? А вдруг
Была она вся – в темной комнате – призрачный звук?
Была ведь, была, а иначе – с чего бы тогда
Я зябну в июле, как будто уже – холода?

Генезис

Я постигал, что значит "никогда"
В страшном кругу потерь невосполнимых.
"Когда-нибудь" сияет как звезда,
А "никогда" смысл ускользает мимо.

"Когда-нибудь" – и радость, и укор.
И встретить смерть когда-нибудь – не страшно.
Отложен неизбежный приговор,
Не рушится десятилетий башня.

"Когда-нибудь" – не завтра, не сейчас.
Оно понятно и вполне желанно,
А никогда как бесконечность в нас
Врывается пугающе и странно.

Ее восьмерка в зеркале висит,
Двойной улыбкой скалится, трепещет.
Звездами срез стеклянный моросит,
Засасывая чувства, мысли, вещи.

И все уходит за небесный свод,
Врастает в снег и дождь воображенья.
Сегодня – зеркало. И в нем грядущий год,

А прошлый год – виновник отраженья.

Я постигал генезис "никогда",
Когда реальностью меня наотмашь били,
Когда из этой жизни поезда
Мои мечты на небо увозили.

Овцы

Где-то в горах высоко-высоко
Овцы ходили за вожакom.
Покуда закат за горою не тух,
Пас их седой загорелый пастух.

Мельче одна и крупнее другая -
Все на свободу не посягая
За пастухом седобровым след в след
Мирно ходили по тысяче лет.

Красавец вожак был умен и силен,
Но тоже свободой он был обделен.
Что ум, что кудряшки, как добрый парик?
Пас и его седобровый старик.

Где-то в горах, как больные сиротки
Овцы ходили – безмолвны и кротки.
И каждая часто мечтала о том,
Чтоб стать всем на зависть и зло – пастухом.

Снег в октябре

Бульварное кольцо чистейшей пробы
Достал октябрь из золотой сумы,
А ветер-ювелир намел сугробы,
Посыпал воздух платиной зимы.

А мы идем и крепко поминаем
Эту погоду – черт, как намело!
Метель уже у сердца. Мы не знаем,
Что делать нам. И мы бежим в тепло.

Бежим в тепло, в карманах грея руки
Без варежек (кто ж знал, что будет снег?),
Чтобы забыв оглохших улиц звуки
Смотреть в окно, молиться за нас всех,

И понимать друг друга с полуслова
Там, куда нас метель свела на час.
Дала метель каплю вина и крова -
Спасибо ей за теплоту у нас.

Холодный город, призрак желто-белый
Людей в сугробы собирал не зря.
Зима на счастье рано к нам поспела,

Встречай и пей за фокус октября!

А за окном, как мать о взрослом сыне
Клен, весь рубиновый, грустит по летней спеси.
На ветках снег – то глупые гусыни
Замерзли на деревьях, лапы свесив.

Какие они красные! Возможно,
Что мы в метель не по годам добреем,
И мы их снимем с кленов осторожно,
В дом принесем и лапы им согреем.

Зима

Тысячи белых мышей
Тесно прижались друг к другу
И множеством чутких ушей
Слушают,
Слушают
Вьюгу.

Ленинградский проспект в снегу.
Скрип...Скрип...Скрип...
Это снежный пес
Фонари заставляет петь
И мешает огням смотреть.
Это трется о стены мороз.
Ленинградский проспект в снегу,
А я снова куда-то бегу.

С неба падает в белом звезда.
Скрип...Скрип...Скрип...
Это песнь тишины
Заставляет слушать сердца.
Это иней-старик у крыльца
На сосульки меняет сны.

Над Москвою парят холода,
А я снова бегу, как всегда.

Только зимних надежд здесь тьма.
Скрип...Скрип...Скрип...
Это времени бег
День и Ночь вместе быть заставляет
И на вечер их благословляет,
Когда только и жив человек.
Только зимних разлук здесь тьма,
И бегу я в чужие дома.

Зимнее дно

Посмотри ранним утром в окно.
Что там нас окружает с тобою?
Там еще как на дне темно,
Небо лишь по краям голубое.

Там деревья-кораллы стоят
Неподвижно в безмолвии синем,
Станным пламенем белым горят...
Ты ж не скажешь, что это лишь иней?

Сад на дне очутился морском,
Взятый в плен холодной звездой.
Он до марта уснул за окном
И мы вместе с ним – под водой.

Каждый день от удачи к беде
Проплывают жилищ наших глыбы.
И все тянутся к теплой звезде
Наши души – кричащие рыбы.

Натянута струна зимы
Под пальцами горячими.

Давно ль мы были зрячими?
Вдруг стали все слепыми мы.

И вот, слепые музыканты,
Не видим тех, кому играем,
А сами – в холоде – сгораем,
Сами с собою дуэлянты.

Стелется вновь по снегу дым -
Все, что осталось от любви.
Пальцы истерлись до крови,
А мы помочь не в силах им.

Ведь мы должны струну держать
Натянутой, живой и липкой,
Боли не чувствуя, с улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.